Sborník

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Akademiia nauk SSSR. Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti

15

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1877.

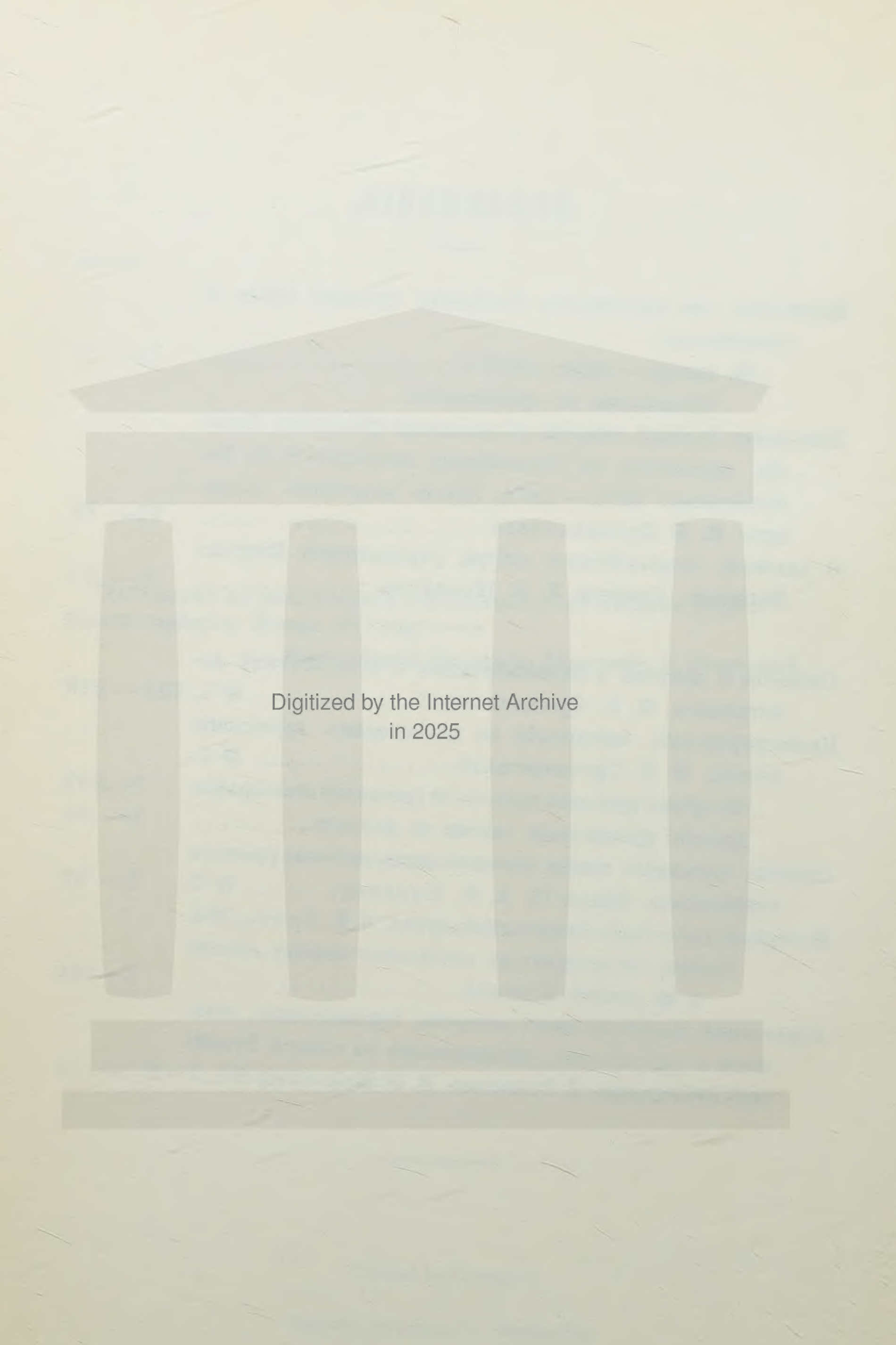
KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ. Январь 1877 года.
Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei — Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Январь — мартъ 1875 года.

Академикъ Бычковъ заявилъ, что намѣренъ сообщить свои соображенія по поводу доставленныхъ ему Шведскимъ посланникомъ г. Дуэ фотографическихъ снимковъ съ двухъ русскихъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ текстовъ древнѣйшаго договора Россіи съ Швеціею, заключеннаго въ Орѣховцѣ въ 1323 г., и при этомъ замѣтилъ, что одинъ изъ этихъ текстовъ оказывается подлинною редакціею договора, а другой — переводомъ съ Латинскаго.

Академикъ Гротъ съ своей стороны доложилъ, что, получивъ также, чрезъ посредство Шведскаго посланника, эти два снимка, онъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ А. Ѳ. Бычкова о подлинномъ текстѣ, относительно другой редакціи склоняется къ предположенію, что она составляетъ переводъ съ Шведскаго.

Академикомъ Гротомъ прочитаны слѣдующія свѣдѣнія о бывшемъ, въ декабрѣ минувшаго 1874 года, въ Стокгольмѣ торжественномъ засѣданіи Шведской Академіи:

«8 (20) декабря прошлаго года Шведская Академія въ Стокгольмѣ праздновала по обыкновенію день своего основанія, который совпадаетъ съ днемъ рожденія Густава II Адольфа.

«Съ пяти часовъ по полудни густая толпа людей тѣснилась передъ изящнымъ биржевымъ зданіемъ, гдѣ происходятъ засѣданія академіи; въ первой его комнатѣ многочисленная публика съ нетерпѣніемъ ожидала впуска въ большую залу. Наконецъ въ началѣ 7-го двери отворились, и всѣ бросились туда, торопясь занять лучшія мѣста. За балюстрадою стояло 18 креселъ для такого же числа

членовъ *); какъ балюстрада, такъ и кресла — тѣ же съ основанія академіи при Густавѣ III. Влѣво отъ главнаго входа возвышались просторные королевскіе хоры, для наполненія которыхъ нужна значительная часть придворнаго штата.

«Не прежде какъ въ половинѣ 7-го показались на хорахъ король и королева съ двумя принцами, съ камергерами и остальною свитою. Публика встала съ мѣстъ и въ залу вошли одиннадцать академиковъ, привѣтствуемые королевскою фамиліей и всѣми присутствовавшими; они шли въ процессіи и расположились на своихъ мѣстахъ. Предсѣдательское кресло занялъ баронъ Де-Геэръ, а противъ него сѣлъ секретарь академіи графъ Гамильтонъ (канцлеръ Упсальскаго университета); изъ остальныхъ назовемъ историковъ Фрюкселя и Карлсона и филолога Рюдквиста.

«Президентъ въ немногихъ словахъ изложилъ значеніе краснорѣчія и поэзіи и замѣтилъ, какъ счастлива Швеція, видя на престолѣ не только покровителя наукъ и искуствъ, но человѣка, который самъ занимается ими. Заявивъ потомъ о двухъ утратахъ, понесенныхъ академіею и литературою въ теченіе года, онъ упомянулъ, что въ память одного изъ умершихъ, бывшаго президента этого ученаго общества, графа Мандерстрема, будетъ произнесена рѣчь избраннымъ на мѣсто его членомъ. Затѣмъ секретарь вышелъ изъ залы во внутреннія комнаты, гдѣ дожидался новый академикъ Въ сопровожденіи секретаря въ залу вошелъ архіепископъ Сундбергъ, человѣкъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, высокого роста и величавой осанки.

«Въ началѣ своей рѣчи онъ высказалъ, что, не признавая за собою никакихъ правъ на оказанную ему честь, онъ приписываетъ свое избраніе только тому обстоятельству, что нѣкоторыя изъ креселъ академіи, по желанію основателя ея, предоставляются пастырямъ церкви. Звучнымъ голосомъ, въ безпристрастномъ и изящномъ изложеніи, ораторъ перешелъ затѣмъ къ очерку жизни покойнаго графа Мандерстрема. Самое воспитаніе и семейныя традиціи положили въ немъ ту основу французскаго образованія, которую онъ сохранилъ до конца. Уже 13-ти лѣтъ отъ роду (именно въ 1819 году) онъ поступилъ въ студенты Упсальскаго университета По окончаніи курса онъ съ отличіемъ служилъ сперва въ министерствѣ финансовъ, а потомъ, перейдя на дипломатическое по-

*) У Шведовъ число *восемнадцать* (de aderton), для означенія академиковъ, обратилось въ поговорку точно такъ же, какъ у Французовъ les quarante.

прище, былъ посланникомъ въ Вѣнѣ и наконецъ министромъ иностранныхъ дѣлъ во время Крымской войны. Этотъ постъ занималъ онъ еще и во время памятныхъ событій 1863 года: его дипломатическому таланту ораторъ приписалъ счастливое окончаніе возникшихъ тогда между Швеціей и Россіей недоразумѣній. Вся рѣчь г. Сундберга отличалась благородною смѣлостью й откровенностью.

«По окончаніи рѣчи президентъ объявилъ, что изъ представленныхъ на судъ Академіи 24-хъ сочиненій, два признаны заслуживающими 2-й преміи по отдѣлу поэзіи. Удостоенные преміи студенты: Упсальскаго университета Модинъ и Лундскаго Линдфорсъ были вызваны секретаремъ и по прочтеніи отрывковъ изъ ихъ стихотвореній получили свои награды изъ рукъ президента. Затѣмъ упомянуты, при почетномъ отзывѣ, два сочиненія другихъ авторовъ и заявлено, что премія Карла Іоанна на этотъ разъ присуждена лундскому профессору Висену, оказавшему литературѣ значительныя услуги. Наконецъ президентъ заявилъ, что ежегодно выбиваемая академическая медаль на этотъ разъ посвящена памяти поэта Шеберга (извѣстнаго подъ псевдонимомъ Виталисъ), а профессоръ Льюнггренъ прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ составленной имъ біографіи этого даровитаго писателя».

Академикъ Гротъ доложилъ, что, по окончаніи имъ и приготовленіи къ печати одного отдѣла его филологическаго труда о звукахъ и письмѣ въ ихъ взаимномъ отношеніи, онъ приступилъ къ окончательной редакціи біографіи Державина, и затѣмъ были прочитаны имъ первыя главы ея.

Академикъ Срезневскій прочиталъ слѣдующую записку о 10-тилѣтней дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества: «Прошло десять лѣтъ со времени утвержденія Устава и начала дѣйствій Московскаго Археологическаго Общества. Дѣйствія эти состояли: 1) въ научныхъ сообщеніяхъ и бесѣдахъ членовъ Общества и постороннихъ изслѣдователей во время засѣданій, 2) въ изданіи изслѣдованій, наблюденій и описаній памятниковъ, 3) въ поддержкахъ археологическихъ предпріятій денежными пособіями, 4) въ стараніяхъ о сбереженіи памятниковъ древности и старины, и 5) въ собраніи памятниковъ, ихъ описаній, изслѣдованій по нимъ и вообще всякаго рода изданій нужныхъ для археолога, съ тѣмъ чтобы всѣмъ этимъ могли пользоваться всѣ нуждающіеся. На лицо передъ всѣми, желающими познакомиться подробнѣе съ этими дѣйствіями,—изданія Общества, 10 книгъ Древностей, одинъ томъ Археологическаго Вѣстника, два тома Описанія

Кіева, два тома Трудовъ Московскаго Археологическаго съѣзда, который былъ устроенъ Обществомъ и положилъ начало археологическимъ съѣздамъ въ Россіи. Въ изданіи Общества, выходящемъ подъ названіемъ *Древностей*, постоянно помѣщались извѣстія о засѣданіяхъ Общества, и по этимъ извѣстіямъ можно прослѣдить дѣятельность Общества въ подробностяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность его предсѣдателя, которымъ по выбору постоянно оставался графъ А. С. Уваровъ. Нигдѣ, конечно, заслуги графа Уварова не могутъ быть цѣнимы и понимаемы болѣе, чѣмъ въ Академіи Наукъ, и особенно ея Вторымъ Отдѣленіемъ; тѣмъ не менѣе постоянные труды его и заботы всего болѣе выразились въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Пересматривая Древности, издаваемыя Обществомъ, въ ряду многихъ важныхъ изслѣдованій, въ нихъ напечатанныхъ, находимъ не мало и трудовъ графа Уварова. Ему же и по мысли и по участію обязана Русская литература собираніемъ матеріаловъ для Археологическаго Словаря, которые постоянно печатаются въ тѣхъ же Древностяхъ. Ему же она обязана и новой обработкой труда Закревскаго о Кіевѣ, сдѣлавшагося въ этомъ новомъ видѣ драгоцѣннымъ пособіемъ для изученія Кіевскихъ древностей и старины. Вмѣстѣ съ графомъ А. С. Уваровымъ доселѣ принимали участіе въ трудахъ Общества, имъ издаваемыхъ, очень многіе и между прочимъ нѣкоторые всѣмъ извѣстные дѣятели.

«Прошло десятилѣтіе со времени начала дѣйствій Общества, и оно въ нынѣшнемъ своемъ составѣ предполагаетъ почтить память трудившихся въ немъ доселѣ — въ эстраординарномъ засѣданіи своемъ будущаго 17-го февраля, въ день избранный Обществомъ. при самомъ его началѣ, какъ день основанія Общества».

На основаніи этой записки положено: пользуясь случаемъ, выразить Московскому Археологическому Обществу сочувствіе Отдѣленія Русскаго языка и Словесности къ его плодотворной дѣятельности.

Академикъ Срезневскій обратилъ вниманіе Отдѣленія на изданные П. Н. Батюшковымъ съ 1868 по 1874 годъ, въ 6-ти выпускахъ, «Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ» причемъ прочиталъ составленную имъ записку, въ которой подробно изложилъ какъ содержаніе, такъ и достоинство этого изданія, Положено записку И. И. Срезневскаго напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ.

Академикъ Гротъ, сообщивъ содержаніе письма, полученнаго имъ отъ профессора славянскихъ нарѣчій въ Копенгагенѣ Смита,

прочелъ написанную имъ, Я. К. Гротомъ, на основаніи Датскихъ источниковъ статью о пребываніи въ Горсенсѣ дѣтей правительницы Анны Леопольдовны и доложилъ, что статья эта будетъ вскорѣ напечатана.

Академикъ Сухомлиновъ приступилъ къ чтенію 2-го выпуска своей «Исторіи Россійской Академіи», въ составъ котораго войдутъ свѣдѣнія объ академикахъ, бывшихъ, также членами Академіи Наукъ, и прочиталъ начало біографіи Ст. Як. Румовскаго.

Академикъ Срезневскій читалъ свою записку о нѣкоторыхъ памятникахъ глаголическаго, такъ называемаго Хорватскаго письма, между прочимъ о части книги апостольскихъ чтеній, о словѣ Іоанна Златоустаго, и объ отрывкахъ изъ двухъ апокрифическихъ житій. Общій выводъ, къ которому онъ пришелъ, есть тотъ, что такъ называемое Хорватское глаголическое письмо было употребляемо нетолько для нуждъ римско-католической церкви, но и для нуждъ православія. Положено рукопись И. И. Срезневскаго передать въ типографію для напечатанія въ собраніи свѣдѣній о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ.

Академикъ Гротъ прочелъ полученныя имъ два письма: 1) отъ В. С. Капниста изъ Кременчуга съ препровожденіемъ, по просьбѣ его, подлиннаго портрета Державина, писаннаго художникомъ Базилевскимъ, съ котораго онъ предполагаетъ приложить гравированную копію къ біографіи поэта, и 2) отъ И. И. Носовича съ приложеніемъ статьи о значеніи извѣстнаго при Петрѣ Великомъ «всешутѣйшаго собора». Положено благодарить гг. Капниста и Носовича, съ извѣщеніемъ послѣдняго, что статья его можетъ быть напечатана въ сокращеніи, которое и помѣстить въ приложеніяхъ къ протоколу.

По предложенію Академика Срезневскаго опредѣлено пріѣзжавшему недавно въ Петербургъ Русину, Добрянскому, отправить чрезъ посредство здѣшняго Славянскаго Комитета Сборникъ Отдѣленія и вмѣстѣ просить его, не найдетъ ли онъ возможнымъ доставить нѣкоторыя изданныя въ Венгріи сочиненія на русинскомъ языкѣ и о Русинахъ.

Академикъ Срезневскій заявилъ о выходѣ въ свѣтъ новаго труда магистра Бодуэна-де-Куртне о Резіянскомъ нарѣчіи, и прочелъ статью какъ о книгѣ Бодуэна, такъ и о Резіянахъ. Статья эта будетъ напечатана.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Памятники Русской старины въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи, издаваемые по Высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ. 1868—1874. Шесть выпусковъ.

(Академика И. И. Срезневскаго).

Въ объяснительной книгѣ, приложенной къ только-что вышедшему выпуску этого роскошнаго изданія, на первой же страницѣ предисловія, сказано, что шестымъ выпускомъ оканчивается изданіе Памятниковъ. Можно ли считать, что въ шести изданныхъ выпускахъ помѣщено все, что можно ожидать отъ такого изданія, и не желать, чтобы оно продолжалось: это видно будетъ изъ слѣдующихъ замѣтокъ.

Изданіе началось въ 1868 году, когда вышли разомъ четыре выпуска въ двухъ тетрадяхъ; въ 1870 году оконченъ выпускъ пятый; въ 1874 г. шестой. По внѣшнему и внутреннему исполненію изданіе рѣзко дѣлится на двѣ половины: къ первой принадлежатъ первые четыре выпуска, ко второй—два остальные. Въ первой половинѣ и рисовка и отпечатаніе довольно просты, и объясненія, приложенныя къ чертежамъ и рисункамъ въ ту же листовую величину, не только кратки, но и не предполагаютъ научной предварительной работы. Во второй половинѣ всѣ рисунки исполнены хромолитографически, богато и красиво, и къ двумъ выпускамъ рисунковъ и чертежей приложены двѣ книги, гдѣ находятся не только отчетливыя описанія чертежей и рисунковъ, но и разныя изслѣдованія и наблюденія, важныя для археологовъ и филологовъ. Какъ ни различны впрочемъ по исполненію двѣ половины изданія, въ каждомъ изъ выпусковъ есть на чемъ остановиться изслѣдователю.

Первый выпускъ посвященъ *Владиміру Волынскому*. Въ немъ имѣемъ съ описаніями: планъ города, видъ развалинъ Мстиславскаго собора, видъ остатковъ фрескъ, уцѣлѣвшихъ въ алтарной части этого собора, видъ и планъ Зимнянской церкви (въ 57 верстахъ

отъ города, и планъ пещеръ вырытыхъ подъ нею, видъ Васильевской церкви, снимокъ съ надписи нарѣзанной на плитѣ, вдѣланной въ стѣну церкви (снимокъ очень вѣрный), и видъ бѣднаго нынѣшняго собора.

Второй выпускъ знакомитъ съ городомъ *Луцкомъ*: планъ, видъ замка Любарта, видъ развалинъ Дмитріевской церкви, планъ и снимки съ остатковъ фресекъ, видъ и планъ Крестовоздвиженской церкви и проч.

Третій выпускъ знакомитъ съ городомъ *Острогомъ:* планъ города, видъ развалинъ замковой Богоявленской церкви, видъ соборной (деревянной) церкви и пр.

Четвертый выпускъ заключаетъ въ себѣ планъ и рисунки города *Овруча*. Тутъ между прочимъ помѣщены: видъ развалинъ и остатковъ фресокъ Васильевской церкви, видъ Заручаевской церкви, (небольшаго зданія, въ которомъ подъ однóю кровлею и сама церковь и жилище священника съ кухней, отдѣленной отъ алтаря только запертою дверью), видъ холма, называемаго могилой Олега, и видъ нагорнаго берега Уши, гдѣ будто бы были Ольгины бани (въ объяснительномъ листѣ передано между прочимъ и кое-что невѣроятное).

Пятый и шестой выпуски знакомятъ съ г. *Вильною* — посредствомъ тридцати шести листовъ рисунковъ и чертежей. Здѣсь, кромѣ всего другаго, занимательнаго для всякаго образованнаго наблюдателя, находимъ три плана Вильны — нынѣшній, XVI столѣтія и первой половины XIV столѣтія, видъ Пятницкой церкви до перестройки: до 1865 г. и въ 1807 г., видъ и планъ Пречистенскаго собора въ 1601 году и въ 1864 г. передъ возобновленіемъ, образъ Божіей Матери Одигитріи, вывезенный царевной Еленой, образъ Остробрамской Богородицы, видъ развалинъ Спасской церкви, виды и планъ развалинъ дворца и замка Литовскихъ великихъ князей, рисунки плащаницы и креста XV в., саккоса и креста XVI в., хранящихся въ Николаевскомъ соборѣ, рисунки чаши XVI в. и креста XVII в., хранящихся въ ризницѣ Свято-Духовскаго монастыря, снимки съ разныхъ рукописей, хранящихся въ Виленской публичной библіотекѣ и частію въ другихъ мѣстахъ (съ Туровскаго евангелія XI в., съ Мстижскаго евангелія XIV в., съ 2-го Туровскаго евангелія XV в., съ Николаевскаго евангелія XVI в., съ Супрасльскаго суботника, съ разныхъ старыхъ плитъ, съ разныхъ старопечатныхъ книгъ, съ письма св. Димитрія Ростовскаго и другихъ). Кромѣ этого тутъ же есть видъ Лидскаго замка XIV в., видъ и

планъ Маломожейковской церкви XV в. и видъ развалинъ замка въ Трокахъ.

Въ двухъ книгахъ, приложенныхъ къ послѣднимъ двумъ выпускамъ, вообще очень важныхъ по своему содержанію, помѣщенъ «Очеркъ исторіи города Вильны», написанный нашимъ даровитымъ и строго-ученымъ историкомъ, В. Г. Васильевскимъ, трудъ большой по объему, самостоятельный и увлекательный по изложенію, важный по соображеніямъ и подробностямъ для всякаго, изучающаго по источникамъ и первичнымъ пособіямъ исторію Россіи.

Итакъ въ шести выпускахъ Памятниковъ заключаются матеріалы для изученія пяти, пожалуй даже семи городовъ Западной Россіи, и только. Развѣ этимъ можетъ ограничиться изданіе, которому дано названіе Памятниковъ Русской старины въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи? Развѣ не гораздо болѣе того, что сдѣлалось извѣстно посредствомъ этого изданія, остается въ Западныхъ губерніяхъ неизвѣстнымъ? Безъ сомнѣнія, если у издателя нѣтъ ничего болѣе, если для продолженія изданія надобно вновь путешествовать, искать памятники, срисовывать и т. д., то изданіе это кончено; но какъ-то не вѣрится, чтобы любитель древности и старины могъ во время путешествія остановиться только въ семи городахъ.

Еслибы впрочемъ и надобно было по необходимости остановиться только на тѣхъ памятникахъ, которые отмѣчены въ изданныхъ шести выпускахъ, то нельзя не желать, чтобы и на нѣкоторые изъ тѣхъ, которые обратили на себя вниманіе въ первыхъ четырехъ выпускахъ, обращено было вниманіе вновь: при видахъ нѣкоторыхъ важныхъ храмовъ нѣтъ плановъ, описанія ихъ очень кратки и т. д. Къ тому же можно бы желать, чтобы по образцу Очерка Исторіи Вильны были сдѣланы Очерки исторіи и другихъ городовъ. Для этого уже есть много и изданныхъ источниковъ. Особенно важенъ могъ бы быть Очеркъ исторіи Владимира Волынскаго и Трокъ.

Какъ бы однако ни случилось, нельзя не высказать слова признательности П. Н. Батюшкову за трудъ, имъ предпринятый и въ послѣднихъ двухъ выпускахъ прекрасно поведенный. Останавливаясь на этихъ двухъ послѣднихъ выпускахъ, не могу конечно не цѣнить превосходно исполненныхъ изображеній многихъ изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, но не обинуясь скажу: еслибы эти самыя изображенія явились безъ такого объяснительнаго текста, какой къ нимъ приложенъ, то эти превосходныя изображенія потеряли бы

то значеніе, какое онѣ получили какъ приложенія къ тексту, благодаря прекрасно обдуманному плану изложенія этого текста. Со временемъ, вѣроятно, кто-нибудь и воспользуется этимъ роскошнымъ изданіемъ, чтобы сдѣлать болѣе доступное изданіе Западно-Русскихъ древностей и старины съ изображеніями, вырѣзанными на деревѣ и вставленными въ страницы описанія.

Кстати напомнить о другомъ подобномъ изданіи. Въ 1867 году появилась большая тетрадь въ листъ, подъ названіямъ «Замѣчательности Сѣверо-Западнаго края. Отдѣленіе 1»: 12 листовъ рисунковъ и 1 листъ подъ названіемъ Предисловія. Пять листовъ занято рисунками развалинъ и остатковъ Коложскаго монастыря; одинъ листъ рисунками Полотскаго храма Спасителя; четыре листа рисунками Супрасльскаго монастыря и собора; одинъ листъ изображеніемъ мѣднаго колокола и надписей на немъ, 1420 года, и древней панагіи. Въ Предисловіи между прочимъ не мало мѣста дано очень умному описанію остатковъ Коложскаго монастыря. Явилось-ли или еще явится продолженіе этого изданія?—не знаю. Если же оно прекратилось безъ конца, такъ же какъ готово прекратиться изданіе Памятниковъ, то надобно пожалѣть о судьбѣ обоихъ изданій.

О значеніи всепьянѣйшаго собора, учрежденнаго Петромъ Великимъ.

(Замѣтка И. И. Носовича).

Всматриваясь въ документы, помѣщенные въ малоизвѣстномъ 1861 года журналѣ «Свѣточъ» книга IX, ярко освѣщающіе одну изъ любопытныхъ сторонъ въ характерѣ Петра Великаго — его юморъ, невольно поражаешься изумленіемъ, что Петръ Великій въ полной мѣрѣ преобразователь Россіи, ознаменовавшій себя неусыпными попеченіями о благѣ своего отечества, въ характерѣ своемъ допустилъ страшное пятно тѣмъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, будтобы для того единственно дабы «богатырскому своему разгулу дать просторъ», въ контрастъ своимъ благодѣтельнымъ учрежденіямъ, открылъ всепьянѣйшій и всешутѣйшій соборъ, сгруппировавъ его изъ знаменитѣйшихъ лицъ, сподвижниковъ своихъ въ патріотическихъ дѣлахъ.

Глава семейства, пользующагося благовиднымъ положеніемъ, если для собственной своей единсвенно прихотливой потѣхи вводитъ между своими избранными домочадцами пьянственныя торжества, долженъ ожидать неминуемыхъ гибельныхъ послѣдствій для себя и всего своего семейства. Такихъ же послѣдствій должно ожидать тѣмъ болѣе въ государствѣ.

Но, къ удивленію всего свѣта, всепьянѣйшій и всешутѣйшій соборъ Петра Великаго ни малѣйше не унизилъ Россію, хотя юморическое названіе это и тѣшило враговъ ея. «Широкій же и грубый разгулъ» Петра Великаго съ своими птенцами (Шутки по потѣхи Петра Великаго. Русская Старина 1872 года, т. V, стр. 845) послужилъ камнемъ преткновенія Шведскому королю Карлу XII.

Это обстоятельство заставляетъ думать, что черта характера Петра Великаго, какъ юмориста, совершенно не разгадана, равно какъ и мнѣніе историка С. М. Соловьева, что «страсть Великаго Петра, не

умѣренная правильнымъ, искуснымъ воспитаніемъ, соотвѣтствовала его богатырскимъ силамъ», не гармонируетъ съ счастливымъ исходомъ всепьянѣйшаго собора.

Что же такое есть въ самомъ дѣлѣ всепьянѣйшій и всешутѣйшій соборъ Петра Великаго? Если бросимъ строгій, внимательный взглядъ на всепьянѣйшій соборъ, то самое неблаговидное и даже скандальное названіе это, гласно данное Петромъ Великимъ потѣшному своему заведенію, наводитъ насъ на вопросъ: можетъ ли быть, чтобы столь мудрый государь безъ всякой дальней мысли, или безъ тайной какой либо высокой цѣли далъ такое позорное названіе публично учрежденному имъ заведенію? Можетъ ли быть, чтобы онъ гласно учредилъ такое общество будто бы для того единственно, чтобы дать просторъ своему «широкому разгулу», и не было ли это смѣхотворною маскою для сокрытія подъ нею глубокихъ политическихъ видовъ?

Чтобы рѣшить эти вопросы, взлянемъ на самый составъ всепьянѣйшаго собора исключительно изъ лицъ, занимавшихъ высшіе посты по государственной службѣ, какъ-то знаменитѣйшихъ полководцевъ, политиковъ и дипломатовъ.

Взглянемъ на самыя дѣйствія столь замѣчательнаго и забавнаго собора, на торжественное избраніе новаго князя папы, на шутовской бракъ одного изъ членовъ и на другія подобныя публично совершавшіяся сцены. Хотя и съ изобиліемъ источались, свойственно пиршеству, разные увеселительные напитки, но и здѣсь нельзя найти ничего укорительнаго, что̀ бы могло унизить Петра Великаго до «широкаго и грубаго разгула». Посмотримъ на выдумку отважнаго пародированія Римской іерархіи, гдѣ Петръ Великій среди всѣхъ лицъ, какъ бы съ намѣреніемъ скрыть свою личность, избралъ для себя низшую степень протодіакона. Эта черта ясно доказываетъ, что онъ избралъ низшее для себя званіе не для простора «своему широкому разгулу», а для того, чтобы незамѣтно слѣдить за ходомъ дѣйствій мнимыхъ іерарховъ, а вмѣстѣ и за впечатлѣніями, какія производилъ этотъ соборъ на зрителей, въ особенности иностранныхъ.

Россійскіе духовные владыки, члены святѣйшаго синода, хотя для Россійской іерархіи пародированіе Римской могло считаться косвенною обидою, не могли по христіанскому братолюбію не представить и безъ сомнѣнія представили своему монарху о неприличіи названія членовъ всепьянѣйшаго собора іерархическими титулами христіанской которой бы ни было церкви. Здѣсь можно спросить:

чѣмъ великій государь могъ остановить справедливый ропотъ Россійскихъ іерарховъ? Не инымъ чѣмъ, какъ только открытіемъ имъ затаеннаго своего патріотическаго плана для безопасности Россіи во времена отважнаго героизма Карла XII и интригъ Польши, чтобы подъ маскою всепьянѣйшаго собора скрыть русскія силы.

И дѣйствительно, на всѣ юморическія импровизаціи Петра Великаго по сформированному плану всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора, всѣ не только Русскіе, не посвященные въ тайны его, но и сосѣдственныя державы смотрѣли не болѣе какъ на потѣхи великаго государя и на скандальный «широкій его разгулъ». Никому ни тогда, ни послѣ не вспало на мысль заподозрить этотъ всепьянѣйшій соборъ въ томъ, что въ составъ его главнѣйшими лицами вошли знаменитые мужи, дѣятельные по государственной службѣ, великіе полководцы и тактики. Никому и до настоящаго времени не пришло въ голову вникнуть въ переписку іерарховъ всепьянѣйшаго собора съ всешутѣйшимъ протодіакономъ, въ переписку исполненную повидимому пьянственнаго бреда, и разоблачить таинственные, никому не понятные, кромѣ пьяныхъ членовъ собора, термины, дышавшіе впрочемъ таинственными и условными намеками. Въ бреду этихъ «вѣчно пьяныхъ» внимательный взоръ могъ кажется найти ключъ, чтобы открыть ларчикъ тайны Петровской импровизаціи всепьянѣйшаго собора. Внимательный взоръ могъ бы увидѣть, что подъ титуломъ «вѣчно пьяныхъ» были дѣйствователями мужи, отличавшіеся стратегическими доблестями, которые въ часы дневнаго свѣта были въ маскѣ отчаянныхъ пьяницъ, а въ часы ночной темноты не дремали и обрабатывали патріотическія дѣла, такъ что къ нимъ можно принаровить еврейскую пословицу: днемъ пьянъ, а мудръ въ ночи.

Читающій со вниманіемъ эту переписку между собою членовъ всепьянѣйшаго собора не могъ бы сказать, что великій Петръ, игравшій роль протодіакона Петра, «скучалъ безъ собора, скучалъ «и соборъ въ лицѣ шуточныхъ своихъ представителей безъ шум- «нѣйшаго протодіакона и что даже во время войны съ Карломъ «XII, въ борьбѣ тяжкой и упорной, когда всей Россіи грозила боль- «шая опасность, Петръ Великій не измѣнялъ своему характеру: «почти стоя передъ врагомъ, онъ обращаетъ взоръ къ пьянымъ «лицамъ (!), отвѣчаетъ на ихъ письма, весело пробѣгаетъ ихъ ку- «рьезныя посланія» (!!!),—но прозрѣлъ бы въ нихъ высокую цѣль Великаго подъ маскою всепьянѣйшаго собора скрыть военныя приготовленія свои къ отраженію великаго демагога тогдашняго времени.

Итакъ, чтобы по возможности разоблачить эту темную для многихъ и непонятную переписку, поищемъ подъ маскою бреда пьяныхъ отцовъ стратегическихъ заявленій, поясняющихъ высокую цѣль великаго полководца государя, оправдавшуюся исходомъ войны.

1) Въ письмѣ смиреннаго князя папы Аникиты (Зотова), отъ 23 февраля 1697 года, упоминаемая рабыня т. е. масляница и товарищи ея Ивашка (т. е. пьянство) и Ерёшка (т. е. распутство), кажется, означаютъ раболѣпство и лукаво ласкательствовавшую Польшу и товарищей ея, Запорожскаго гетмана и Татарскаго хана. Напоминаніе князя папы Аникиты «опасатися отъ нихъ, чтобы они васъ отъ дѣла не отвлекали», есть ясное предостереженіе Петру Великому, мнимому протодіакону, не вдаваться съ ними въ дружескія отношенія или сдѣлки.

2) Въ письмѣ протодіакона Петра (Петра Великаго) въ 1705 г. ясно означено донесеніе протодіакона всепьянѣйшему собору о побѣгѣ Шведскаго военачальника Лёвенгаупта отъ грома пушекъ Русскихъ съ прекраснымъ уподобленіемъ главнокомандующаго баснословному Нарцису, убѣгшему отъ эхо.

3) Въ письмѣ отъ Петра I къ Головину изъ Минска, отъ 10 марта 1706 года, Петръ I въ качествѣ протодіакона Петра проситъ доложить всесвятѣйшему князю папѣ (Зотову), «чтобы изволилъ конечно быть къ празднику въ Нарвѣ съ владыкою Казанскимъ и Мусиномъ (Пушкинымъ) и Гаврилою Меньшиковымъ и чтобы скорѣе ѣхать». Здѣсь ясно видно, что Петръ Великій подъ мистификаціею просьбы, какъ отъ подчиненнаго, предлагаетъ князю Папѣ Аникитѣ, требуя скорѣйшаго прибытія помянутыхъ лицъ въ Нарву не для Бахусовой потѣхи, а для военнаго дѣла. Странно перетолковывать это и приписывать шумству протодіакона Петра, а не видѣть причины требованія скорѣйшаго прибытія не на праздникъ, а на военный подвигъ.

4) Въ письмѣ «отъ С.-Петербургскаго владыки Петра (Бутурлина) о веселіи въ С.-Петербургѣ и о печали объ отсутствіи протодіакона Петра» — легко можно видѣть, что причиною веселія всеобщаго, а не одного всепьянѣйшаго собора, были подвиги Петра Великаго, и печали, что его не могутъ поздравить лично съ воинскимъ успѣхомъ.

5) Въ письмѣ отъ царствующаго града митрополита Петра (Бутурлина) отъ 19 іюля, лѣта..... выражено желаніе знать о святости протодіакона Петра съ поклономъ всешутѣйшему князю Папѣ

духовнику Козьмѣ и архидіакону Гедеону и всему шумному собору. Это письмо, кажется, относится ко времени, когда Петръ Великій со всею своею свитою въ 1707 году былъ въ Люблинѣ. Здѣсь повидимому замаскировано желаніе знать о послѣдствіяхъ ссоры Прусскаго посланника Кейзерлинга съ Меньшиковымъ.

6) Въ письмѣ Петра Ивановича Бутурлина, отъ 15 февраля 1708 года, упоминается, что преосвященный Петръ Корчага провинился въ томъ, что противъ своего обѣщанія уже въ другой разъ занялъ дворъ противу указу и нынѣ въ томъ проситъ прощенія съ такимъ закладомъ, что ежели паки провинится, то отдаетъ жену свою Аксинью Михайловну, которую впредь въ крайнемъ угожденіи имѣлъ окольничій Ив. Ив. Чандаевъ, не смотря на то, что она была ему невѣстка. Письмо это Петръ Бутурлинъ пишетъ не о самомъ себѣ, а о Петрѣ Корчагѣ. Иносказаніе же Петра Бутурлина можно рѣшить скорѣе политическими связями Польши съ Швеціею и Швеціи, принявшей намѣреніе отторгнуть Малороссію отъ Россіи, чтобы возвратить ее Польшѣ, съ гетманомъ Мазепою.

7) Въ письмѣ царственнаго града митрополита Петра съ Москвы, отъ 5 января 1709 года, сколько находится загадочныхъ намековъ! А именно: о непріятностяхъ протодіакону Петру отъ сосѣда, объ Алеутскихъ внучатахъ, а также о Казанскомъ митрополитѣ изъ крѣпостныхъ крестьянъ. Все это не бредъ пьянаго мнимаго владыки, а подъ маскою бреда сокрыты политическія обстоятельства. Сосѣдъ Петра I есть Карлъ XII, Алеутскіе внучата суть Шведскіе Алеутскіе выходцы, Казанскій же митрополитъ не Мазепа ли?

8) Въ самомъ грозномъ посланіи «отъ прешутѣйшаго и отъ пьянѣйшаго отъ Петра митрополита царственнаго града Санктпетербурга, Ермоландіи и всѣхъ принадлежащихъ городовъ — любезному нашему сыну и сослужителю нашей мѣрности протодіакону Петру» выражено отлученіе отъ шумства и кабаковъ «дабы не ходить». Отлученіе это есть замаскированное предложеніе Петру Великому хранить собственную свою личность во время жаркаго сраженія и, кажется, совѣтъ, чтобы онъ не рѣшался дѣлать погони за Шведскимъ королемъ, убѣжавшимъ въ Турцію.

По разсмотрѣніи всѣхъ дѣйствій и сценъ всепьянѣйшаго собора, по мановенію протодіакона Петра происходившихъ, смѣло можно сказать, что въ кругу этого собора, не смотря на неблаговидное его названіе, въ теченіе почти тринадцати лѣтъ, ничего не произошло скандальнаго и никакихъ не послѣдовало казусныхъ дикихъ

фактовъ, которые бы могли наводить черное пятно на характеръ Петра Великаго до «широкаго и грубаго разгула, соотвѣтствовавшаго будто-бы его богатырскимъ силамъ». Одно только происшествіе, описанное въ статьѣ «Русской Старины» 1872 года т. V, подъ названіемъ «Кейзерлингъ», послѣдовавшее въ 1707 году, напоминаетъ неблагопріятную сцену вытолканія по-шеямъ Прусскаго посланника Кейзерлинга изъ пиршествованной залы. Но виною этого происшествія былъ самъ посланникъ, въ заносчивости обругавшій камергера Меньшикова бараночникомъ или булочникомъ и хватавшійся за шпагу, въ бытность Петра Великаго въ кабинетѣ. Это непріятное происшествіе кончилось тѣмъ, что Кейзерлингъ, чувствуя свою вину, на слѣдующій день явился къ Меньшикову и просилъ прощенія. (Смотри выше, въ письмѣ митрополита Петра, Бутурлина, подъ п. 5).

Итакъ, что такое есть всепьянѣйшій и всешутѣйшій соборъ, открыто и гласно учрежденный Петромъ Великимъ? «Всепьянѣйшій соборъ былъ не иное что какъ маска, подъ которою скрывалась высокая цѣль Великаго Государя утаить предъ сосѣдственными сильными державами политическія силы своего государства. Самая шутовская свадьба Шапскаго въ 1702 году имѣла эту же цѣль, чтобы въ тогдашнія времена самонадѣянной отваги храбраго витязя Шведскаго короля Карла XII, подъ маскою безпечнаго шумства, обмануть внимательный взоръ политическихъ его агентовъ и дать всѣмъ иностраннымъ наблюдателямъ понятіе, что Петръ Великій, безпечно предавшійся будто-бы шумству съ своими «вѣчно пьяными птенцами», нисколько не мыслитъ о пріемѣ въ отечествѣ своемъ великаго гостя, собиравшагося къ нему на кровавое пиршество.
